

УДК 394.25 + 94
ББК 63.5

Испанский карнавал, диктатура и политкорректность

Александр Николаевич Кожановский

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН:
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

Аннотация. В статье в контексте истории Испании XIX–XXI вв. рассматривается эволюция народного карнавала как воплощения «протестного начала», «праздника непослушания», в ходе которого привычный социальный порядок «переворачивается вверх дном», происходит отказ от повседневных правил поведения, отменяются устоявшиеся этические и идеологические нормы. Давление властных структур на карнавальную традицию, порой весьма жесткое, вынуждало вести почти непрерывную борьбу за ее поддержание. Особое место в этом процессе занимает период диктатуры Франко, когда карнавал был запрещен и предпринимались попытки сконструировать ему замену, полностью лишенную исконной протестной и «ниспровергательской» сути.

Автор описывает восстановление карнавальской традиции после падения диктатуры, а также реакцию общества и администрации на возобновившиеся «нарушения табу» в условиях либеральных свобод. Автор обращает внимание на принципиально новую тенденцию в культурно-идеологической атмосфере Испании последних лет, связанную с резким усилением влияния постулатов так называемой политкорректности и попытками влиятельной части общества перестроить в соответствии с ними действующую систему ценностей и отношений. В этой ситуации карнавал, веками игравший роль возмутителя общественного спокойствия, впервые в истории подвергается все более резкой критике как бастион консерватизма, сексизма, мачизма и т.д., требующий радикальной перестройки. Между тем ее реализация неминуемо уничтожит неповторимую специфику карнавала, буквально чудом сохранившуюся после столетий ограничений, запретов, «коммерческой коррозии» и других губительных для поддержания традиции факторов.

Ключевые слова: карнавал, «праздник непослушания», запреты, политкорректность.

Статья написана в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Дата поступления статьи: 3 февраля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

Для цитирования: Кожановский А. Н. Испанский карнавал, диктатура и политкорректность // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 94–109.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.3.008>

Принято считать, что на протяжении столетий одна из основных сущностных черт и особенностей карнавала (некоторые и вовсе видят ее главной), в отличие от многих других традиционных народных праздников, состояла в «переворачивании

вверх дном» привычного порядка вещей, «отмене табу», ломке и обрушении повседневных правил поведения, отказе от обыденных этических норм и представлений о том, что должно считать приличным, а что, напротив, совершенно

недопустимым и порочащим достойного человека (см., например: [Бахтин 1965]). Этот «праздник непослушания» длился несколько дней, в течение которых происходили карнавалы торжества, а по их истечении все возвращалось на круги своя — до следующего года... Сама укорененность и распространенность обычая «раскрепощаться» в ходе карнавала, нередко в буйной и вызывающей форме и в очевидном контрасте с привычной необходимостью соблюдать всевозможные запреты и ограничения, зачастую весьма жесткие, может трактоваться как существование своего рода негласной общественной санкции на его проведение, продиктованной подспудным ощущением его необходимости как социально-психологического «предохранительного клапана», периодически дающего выход накапливающейся в обществе напряженности [Ramos Santana, Fernández Tirado 1991]. Это, однако, вовсе не означало одобрительного или даже снисходительного отношения к нему со стороны светских и церковных властей, которые постоянно стремились запретить карнавал или хотя бы максимально его ограничить.

Что же именно в карнавальном комплексе вызывало неприятие власти имущих и как вообще строились отношения между властными структурами и этим ярким явлением народной культуры в конкретном течении испанской истории последних столетий? И в какой степени исходный характер карнавала как «праздника непослушания» и «нарушителя господствующих норм и правил» сохраняется в наши дни? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, нужно сказать, что при широкой представленности карнавальной традиции на территории Испании и огромном количестве местных вариантов этого праздника сколько-нибудь достаточные — в интересующем нас аспекте — описания удалось обнаружить в отношении лишь некоторых из них, наиболее исторически известных. Соответственно и выводы о том, как происходила эволюция испанского карнавала в рассматриваемое время, базируются в нашем тексте в основном на данных по этим конкретным примерам (прежде всего по карнавалам в андалузском городе Кадисе и в меньшей степени на Канарских островах).

«ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ» И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ВЛАСТЕЙ

О недовольстве властей «протестной стихией» карнавала и особенно некоторыми ее проявлениями говорят соответствующие административные указы и предписания. Так, Карл I, с которого началась династия испанских Габсбургов, еще в 1523 г. запретил участникам праздника ношение масок [Ramos Santana, Fernández Tirado 1991]. В последующем этот запрет неоднократно воспроизводился на протяжении столетий, вплоть до второй половины XX в., что говорит об упорном нежелании участников праздника отказываться от возможности оставаться неузнанными в разгар веселья, равно как и о столь же упорном стремлении властей не допустить такой возможности. Ведь маски, скрывающие лица, а тем более маскарадные костюмы позволяют безнаказанно совершать действия, которые в запретительных постановлениях иногда назывались «дурными обычаями» (что опять же говорит об их устойчивости в народной традиции). Среди таких «обычаев» назывались обсыпание людей мукой или порошком талька, обливание их водой из окон и с балконов, проникновение без спроса в чужие дома, взрывание петард в толпе и другие проделки, которые могли причинить вред окружающим. От участников уличных процессий требовали не шуметь, не кричать, не сквернословить, не нарушать общественного спокойствия, не задевать собравшихся зрителей и прохожих.

Запрещалось также высмеивать властные институты, действия и решения административных органов, а также рядиться в одежду государственных служащих, военную форму и маскарадные костюмы, «оскорбляющие те классы населения, которые достойны всеобщего уважения и высокая миссия которых должна быть предметом всяческого почитания» [Barceló Calatayud 2018].

Особого интереса заслуживает церковно-религиозная тема в контексте карнавала, принимая во внимание ту огромную роль, которую столетиями играла католическая религия в жизни испанцев. С одной стороны, в ограничительных постановлениях администрации в отношении предстоящего праздника всякий раз особо отмечалась недопустимость

каких-либо кощунств и посягательств на священный авторитет католической доктрины и положительный образ Церкви, будь то в словесной или песенной форме или в виде каких-то шутовских акций: например, переодевания в одежды священников и монахов, пародирования религиозных церемоний, церковной атрибутики и пр. С другой стороны, известно о настоятельных и повторяющихся век за веком предписаниях со стороны церковных иерархов уже в адрес самих служителей культа всех рангов и категорий: не участвовать в карнавальным играм, танцах и песнопениях, ни в коем случае не прикрывать лица масками и не наряжаться в маскарадные костюмы. Как сообщают архивные документы, некоторые священники в дни карнавала считали возможным, замаскировавшись, нарушать обычные запреты, в частности, на общение с противоположным полом, не говоря уже о танцах в компании с обычными мирянами [Ramos Santana, Fernández Tirado 1991].

Власти считали своим долгом заботу о том, чтобы во время карнавала не было допущено никаких действий и не прозвучало никаких слов, «оскорбляющих нравственность, посягающих на целомудрие и благонравие». В этой связи конечно же особые опасения блюстителей порядка и моральных норм стабильно вызывали почти неизбежные «карнавальные эксцессы» в отношениях между полами. В самом деле, уже в XIX в. одна из кадисских газет сообщала в дни праздника, что «женщины пребывают в состоянии бунта: дьявол вырвался на свободу» [Wood 2004]. В ряду того немногочисленного, что могло предпринять начальство для снижения градуса всеобщей карнавальной экзальтации, фигурирует опять же вновь и вновь воспроизводящийся запрет мужчинам одеваться как женщины, а женщинам — как мужчины.

Конкретные наказания, предназначавшиеся нарушителям административных предписаний, регламентировавших поведение во время карнавала, могли быть разными: от задержания, разоблачения и удаления с праздника до наложения штрафа, передачи под суд и тюремного заключения. Проблема для властей состояла в том, чтобы идентифицировать этих людей, отсюда столь настойчивая борьба

с маскарадной атрибутикой, обеспечивающей инкогнито.

Практически неизменной, традиционной составной частью данного праздника была публичная критика, нередко переходящая в высмеивание, той социальной ценностной иерархии, которая доминировала в обществе и которую полагалось уважать в обычные дни, а также шуточные, а то и глумливые комментарии к наиболее известным и обсуждаемым событиям местной жизни. Особенной же любовью населения пользовались специально сочиненные и исполняемые публично на улицах и площадях карнавальные куплеты и другие праздничные песнопения, в которых постоянно звучали прямые или завуалированные насмешки над теми или иными почитаемыми канонами, высокими учреждениями, важными персонами и пр. Неудивительно, что с течением времени настороженное внимание властных инстанций все больше сосредоточивалось на содержании текстов, самозабвенно распеваемых в дни карнавала музыкально-песенно-маскарадными «карнавальными группами», по-разному называвшимися в разных районах страны (компарса, мурга, чиригота, коро мусикаль, квадрилья и т.д.). К 1884 г. относится первая попытка алькальда (главы городской администрации) г. Кадиса ввести предварительную цензуру куплетов, предназначенных для исполнения на карнавале. Собирающимся выступать в дни праздника группам певцов и музыкантов было предписано прежде получить разрешение от властей, представив им свои тексты для одобрения или отказа. Более того, с конца XIX в. от карнавальных групп стали требовать предварительного описания тех нарядов, в которых они намерены были появиться перед публикой во время праздника. А с 1904 г. и вовсе стал практиковаться непосредственный визуальный контроль претендентов накануне начала торжеств. Фактически речь шла об административном утверждении регламента выступления «вокально-инструментальных коллективов», вплоть до указания количества их участников с официальными сведениями о них; последующее несоблюдение условий выданного разрешения влекло за собой неизбежную кару [Barceló Calatayud 2018].

Справедливости ради нужно сказать, что, когда на смену авторитарным правительством страны приходили более либеральные, давление на организаторов и участников карнавала ощутимо ослабвало, вплоть до того, что снимался запрет на маски и маскарадные костюмы, перечень действий, тем и сюжетов, которых не следовало касаться, сокращался, а место прямых угроз в адрес нарушителей занимали более мягкие призывы и увещевания [Barbosa Illescas 2018]. Тем не менее цензура в отношении карнавала, однажды возникнув, продолжала существовать, а разработанная система контроля облегчала отслеживание нарушителей запретов. Каждый год надзирающие органы в Кадисе отсеивали и не допускали к публичным выступлениям какие-то «компарсы», в том числе «за неподобающие наряды» (монашеское облачение, военную форму и т.д.), причем это происходило даже в 1935 г., в период Второй республики, пришедшей на смену авторитарно-монархическому режиму и доминированию клерикализма. В начале 1950-х гг., т.е. уже при Франко, исполнители, намеревавшиеся развлекать публику переодеванием в женское платье, были отвергнуты контролирующими инстанциями на том основании, что самодельные артисты «задевают чувства собравшихся». В 1956 г. было запрещено выступление компарсы «Вдóвы стариков 1955 года», члены которой нарядились в старушечьи траурные одежды, прикрыв лица шуточными масками, и т.д. Последний запрет такого рода зафиксирован в Кадисе в 1968 г. [Barceló Calatayud 2018].

В этой связи нельзя не сказать о том, что даже в таких условиях карнавальная команда в своих публичных выступлениях умудрялась обходить административные предписания. Так, в ситуации запрета на публичное упоминание конкретных лиц каждый из участников компарсы навешивал себе на шляпу большое изображение одной из букв алфавита; беспорядочно перемещаясь по площади, самодельные артисты в какой-то момент по сигналу вдруг выстраивались в ряд так, чтобы буквы на их шляпах на глазах окружающих составляли легко читаемое имя той персоны, на которую они хотели указать [Barbosa Illescas 2018].

Еще один способ ограничения «карнавальных эксцессов», отмеченный с конца XIX в., состоял в попытках властей «приручить» данный праздник, сделать его зависимым от финансовой и организационной поддержки со стороны администрации и таким образом еще надежнее контролировать его драматургию и содержание специально написанных для него песен и куплетов. Эта «муниципализация» оказалась достаточно эффективной в деле последовательного усмирения карнавальной стихии и обуздания порождаемого ею вольномыслия, хотя и не покончила с ними совсем: слишком важной оставалась для очень многих возможность хотя бы раз в году посмеяться над тем, чему в другие дни приходилось подчиняться или оказывать формальное уважение, и на краткий миг ощутить себя свободным от повседневных норм и обязательств. Наконец, тогда же, т.е. в позапрошлом веке, обозначился еще один фактор, влияние которого с той поры неуклонно нарастало, оттесняя протестные и бунтарские элементы карнавала на второй план в пользу более зрелищных, ярких, развлекательных, пышных и изощренных, — так называемая «коммерциализация» праздника [Wood 2004].

В целом характер отношений между карнавалом как масштабным и значимым традиционным социально-культурным явлением испанской народной жизни, с одной стороны, и администрацией разных уровней — с другой, оценивается некоторыми комментаторами как борьба этого праздника, едва ли не на всем протяжении его существования, за выживание [Ramos Santana, Fernández Tirado 1991; Wood 2004] или — что по сути то же самое — за сохранение своего неповторимого облика, которого его упорно пытались лишить все это время.

ЗАПРЕТ

Одним из последних эпизодов такой борьбы, при этом наиболее драматичным, продолжительным и губительным для карнавала, поскольку меры, направленные на его уничтожение в Испании, во многом достигли-таки своей цели, стал запрет, осуществленный франкистской администрацией и сохранявшийся на протяжении практически всего времени пребывания ее у власти, т.е. вплоть до второй

половины 1970-х гг. В феврале 1937 г., в разгар гражданской войны, начавшейся полугодом ранее, и в преддверии очередных карнавалов, руководителей мятежников, восставших против республики и уже захвативших к тому моменту значительную часть территории страны, запретили проведение этих праздников. Распоряжение о запрете было составлено таким образом, что его можно было воспринять как вынужденное экстраординарными обстоятельствами военного времени, неуместностью публичного веселья «ввиду тех жертв, которые нам приходится приносить», когда все внимание должно быть обращено на «наших братьев, которые отстаивают честь Испании и сражаются на фронте за ее спасение». В указе ничего не говорилось ни о недопустимости поправки религии, ни о необходимости поддержания социальных и моральных норм, но подспудно было очевидно, что праздник со столь высокой долей языческого содержания и «переворачиванием» установленных правил мало сочетается с духом «крестового похода» и утверждением «правильного» общественного порядка, воодушевлявшим тех, кто восстал против Республики и в поддержку Католической церкви, всегда настороженно относившейся к развлечением этого рода [Montagut 2018].

Нужно сказать, что в непосредственно предшествовавшие мятежу годы республики, в условиях резко расширившихся либерально-демократических свобод произошла невиданная прежде по своему размаху политизация карнавалов, сценических постановок и текстов, которые с отменой многолетней цензуры наполнились всевозможными требованиями и обличениями в адрес тех, кто олицетворял собой в глазах низших слоев общества социальную несправедливость [Franco у Doña 2009]. Тот же кадисский карнавал, как сообщается, даже обрел тогда роль своего рода альтернативной власти, влияние которой на настроения и действия местных жителей было чрезвычайно велико [Sacaluga Rodríguez 2020]. Все это побуждало франкистов воспринимать карнавал как источник и резерв потенциально враждебной для них политической силы. В захваченных ими городах и селениях многие организаторы карнавалов представлялись, авторы и исполнители

сатирических и вольнодумных куплетов заплатили за свою смелость свободой и даже жизнью. А самому карнавалу по завершении гражданской войны было окончательно отказано в праве на существование. В январе 1940 г. министр внутренних дел правительства победителей подтвердил предыдущий указ о запрете карнавала — «за отсутствием оснований для его пересмотра». Местным администрациям был разослан специальный циркуляр с требованием обеспечить невозможность проведения этого праздника и сурово наказывать нарушителей властного распоряжения [Ibid.]. Более того, запрещению подверглось и само слово «карнавал».

«ПРИВЫЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ» ВМЕСТО КАРНАВАЛА

В том, что происходило с испанским карнавалом дальше, отразилось действие целого ряда факторов и обстоятельств, которые к тому же с течением времени ощутимо менялись. Верховная власть номинально до самого конца оставалась непреклонной в своем намерении не допустить возрождения карнавала в его прежнем виде, и во многих местах, как говорят источники, с этой традицией за десятилетия действительно было покончено — она полностью утонула [Moreno Tello 2018]. Однако в других случаях, т.е. там, где обычай проведения карнавала имел особенно глубокие корни и население не мыслило жизни без него (как это было в Кадисе, на Канарских островах и в ряде других мест), события развивались иначе.

Есть свидетельства того, что в ряде городов Канарского архипелага местные жители даже в суровые и скорые на расправу с непокорными 1940-е гг. пытались скрытно отмечать свой любимый праздник, что стало причиной неоднократных негодующих требований «сверху», обращенных к местному начальству, воспрепятствовать в дни, на которые приходился карнавал, использованию населением «порошка талька, масок, маскарадных костюмов, серпантина, конфетти и т.д.», запретить продажу и приобретение этих предметов и карать непослушных [Hernández 2020]. И в самом деле, попытки — а они, как сообщается, все же имели место — сохранить дух и сущность того, что для многих людей и было собственно

карнавалом, т.е. продолжать наряжаться в маскарадные костюмы и исполнять сатирические куплеты, стали в новых условиях смертельно опасными [López 2016]. Власти проводили специальные рейды по «отлову» участников запрещенного праздника.

Но куда чаще желающие поддержать любимую традицию не шли на прямую конфронтацию с враждебным ей государством, а прибегали ко всякого рода уловкам и хитростям, собираясь в компании самых близких и надежных людей, друзей и родственников где-нибудь за закрытыми дверями или совершая прогулку со стаканом вина, переходя от двери к двери и чокаясь с такими же «посвященными», стараясь при этом не привлекать к себе лишнего внимания представителей власти. Во многих случаях местные власти имущие, понимая чувства своих земляков, оставленных без привычной и любимой забавы, подыгрывали им, разрешая провести вместо запрещенного карнавала якобы не имеющие к нему никакого отношения массовые народные гулянья, непременно под другим названием и под жесточайшим цензурным и полицейским контролем, призванным не допустить появления на улицах города никаких явных примет опального торжества: прежде всего масок, карнавальных костюмов, пения вольнодумных или легкомысленных куплетов. Так, на о. Пальма публичные торжества в те дни, когда прежде справлялся карнавал, были после периода первоначального абсолютного запрета постепенно и при строгом присмотре администрации «выпущены» на улицы под незамысловатым именем «зимние праздники», придуманным для них самим гражданским губернатором и закрепившимся на несколько последующих десятилетий [Rozas 2019].

Что касается переименования кадисского карнавала, то однократной смены привычного названия оказалось недостаточно. В 1949–1953 гг. главное публичное увеселение, организованное вместо прежнего, запрещенного, проходило здесь под официальным обозначением «Fiestas de Coros» («Праздники хоров»), в 1954–1957 гг. — «Fiestas Folclóricas Típicas Gaditanas» («Привычные кадисские фольклорные праздники»), в 1958–1967 гг. — «Fiestas Típicas» («Привычные праздники»),

в 1967–1977 гг. — «Fiestas Típicas, Antiguos Carnavales» («Привычные праздники, прежние карнавалы») [Sacaluga Rodríguez 2020].

Но дело конечно же не сводилось к устранению одиозного для франкистов названия древнего народного праздника. Их намерением было полное искоренение его сути как нарушающего те нормы и запреты, которые они считали совершенно обязательными — общественные, политические, идеологические, моральные, этические и пр. В новых массовых торжествах, возникших с разрешения властей на месте изгнанного карнавала (там, где это разрешение было дано), не должно было присутствовать ни тени крамолы. За этим надзирали специально созданные органы предварительной цензуры, в состав которых входили «идеологически выдержанные» чиновники, военные, ветераны гражданской войны, представители Церкви и др. [Fernández Domínguez 2018]. А упомянутые выше «привычные праздники» Кадиса приказом «сверху» и вовсе перенесли с зимних месяцев на летние — именно для того, чтобы как можно дальше «развести» их с запрещенным карнавалом [Sacaluga Rodríguez 2020]. С этой же целью название «карнавалы группы» было официально заменено на «фольклорные» [Fernández Domínguez 2018].

Но не менее эффективно, нежели прямые запреты, для подавления его исходной протестной составляющей сработало стремление страстных энтузиастов этого праздника сохранить его любой ценой. На прежние карнавалы мелодии и в соответствующих традиции размерах и формах были написаны новые слова в поддержку правящего режима, с прославлением его побед, героев и лидеров, прежде всего, конечно, генералиссимуса Франко [Sacaluga Rodríguez 2020]. Кроме того, в «привычные праздники» стали включать такие элементы, которых никогда не было и быть не могло в настоящем карнавале: какой-нибудь религиозный обряд, с богослужениями и ритуальным подношением даров, или даже военный парад [López 2016], — именно для того, чтобы оттолкнуться от него как можно дальше в глазах всевластного начальства и отвести подозрения в преемственности по каким-либо признакам.

Те, кто стремился всеми способами спасти искореняемый праздник, считали также критически необходимым добиться в новых условиях расположения высших слоев населения, в большинстве своем, как правило, всегда относившихся к прежнему карнавалу отчужденно или отрицательно. «Богатые и образованные» осуждали карнавал как выражение всего самого непотребного и гадкого в «некультурном народе»: дурного вкуса, похотливости, тяги к непристойностям (особенно отвращал здесь травестизм, т.е. переодевание в одежду противоположного пола) и даже потенциального поощрения преступных действий под прикрытием масок и анонимности. Традиционное поведение участников праздника они воспринимали как неуважительное и оскорбительное по отношению к «порядочным людям» и «священным институтам» (таким, как Церковь, монархия и пр.) [Rodríguez Veserra 1992].

Как отражение стремления понравиться власть имущим появились «королева праздника» и ее «фрейлины», впервые избранные в 1956 г.; как и в последующие годы, в этих ролях оказывались по преимуществу представительницы наиболее знатных и богатых родов, близких к действующей власти. С приходом «королевы» регламент праздника обогатился целым церемониалом «великосветского» характера, совершенно чуждым духу и смыслу прежнего карнавала и включавшим роскошный ужин, пышный бал, торжественное подношение цветов святой покровительнице Кадиса Деве Марии Росарии, посещение простонародных кварталов и раздача милостыни беднякам. Вся эта пестрая эклектика, венцом которой стало включение организаторами праздника на исходе 1960-х гг. в его программу парада французских мажореток из г. Монпелье [Sacaluga Rodríguez 2020], действительно не имела, по мнению многих, ничего общего с прежним карнавалом как «праздником непослушания».

Однако этой своеобразной форме коллективных народных увеселений, с неопределенным названием, возникшей в конкретных исторических обстоятельствах в результате реализации воли известных политических сил, удалось то, чего никогда ранее не было в истории карнавала, который она была призвана

заменить собой: привлечь практически все слои и социальные группы местного населения — именно в результате того, что из него было целенаправленно изъято все социально-политическое содержание, чреватое конфликтом в среде горожан или с администрацией, всякий намек на «покушение на устои», хотя бы и временное, а вместо этого он был сознательно превращен в своего рода «витрину города» в масштабах всей страны и даже за ее пределами, яркую, многоцветную, призванную ослепить своим блеском и привлечь как можно больше туристов из-за рубежа в конкуренции с другими городами и местностями Испании. По тому обстоятельству, что местное население в массе ежегодно с энтузиазмом участвовало в главном празднике своего города, можно было сделать вывод, что публика приняла его «подслащенный» и «раскрашенный» облик [Sacaluga Rodríguez 2020], который, возможно, больше соответствовал духу времени и условиям жизни в последние десятилетия франкистской диктатуры и который действительно не содержал ничего из того, что составляло суть его опального предшественника — буйного и скандального карнавала.

Есть, правда, сообщения о том, что едва ли не все те годы, когда «привычные праздники» заменяли карнавал в жизни местного населения, некоторые музыкально-песенные (в прошлом «карнавальные», а в тот период — «фольклорные» или «праздничные») группы, выступления которых всегда были гвоздем программы, предлагаемой участникам веселья, — время от времени практиковали разные способы обойти ограничения со стороны контролирующих инстанций, чтобы напомнить публике о своей былой роли нарушителей спокойствия. Одни, как это и требовалось, представляли тексты своих куплетов, разумеется, в самом благонадежном виде, для предварительной цензуры, а уже после получения необходимой санкции, в ходе самого исполнения, найдя подходящий момент, меняли их содержание на более острое и злободневное. Другие изошрялись в изобретении словесных конструкций, несущих двойной смысл, который должен был бы быть очевиден для слушателей, но неуязвим для надзирающих, что получалось далеко не всегда [Fernández Domínguez

2018]. Наконец, третьи действовали спонтанно, отвечая на настойчивые просьбы аудитории уже в процессе выступления, и, убедившись, что вокруг только «свои», решались спеть что-то из запрещенного репертуара [Sacaluga Rodríguez 2020].

Не следует, однако, думать, что речь всегда шла о чем-то политически криво, в большинстве случаев камнем преткновения оказывалась тема эротики и секса, поскольку она трактовалась правящей идеологией с использованием очень строгих критериев, вплоть до того, что такие слова, как «подмышки», «пупок» или «труссы», безжалостно вычеркивались цензурой из поданных «на визу» куплетов для исполнения перед публикой на том основании, что они рождают у слушателей сексуальные ассоциации. Именно тексты с такого рода ассоциациями и скабрёзными намеками пользовались наибольшим успехом у веселящейся толпы, более того, рассказывают о случаях, когда сами цензоры просили какую-то песенно-музыкальную группу исполнить ими же накануне запрещенные куплеты, но в приватной атмосфере своих закрытых празднований, куда они в частном порядке приглашали этих самых исполнителей [Fernández Domínguez 2018].

Как бы то ни было, этот «подпольный» элемент официального праздника составлял лишь его маргинальную часть, бледную тень прежнего карнавального буйства, к тому же сохранившуюся лишь в немногих местах на территории страны, тогда как прежний «праздник непослушания» в массе всевозможных местных вариантов предшествовал Великому посту едва ли не повсюду.

Многим казалось, что возврата к прошлому в этом смысле уже не может быть ни при каких обстоятельствах, — настолько изменилась жизнь в стране за те сорок лет, что прошли с гражданской войны.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Между тем те эпохальные политико-идеологические трансформации, которые начались в Испании почти сразу после кончины в ноябре 1975 г. диктатора Франко, очень скоро отозвались и на ситуации с праздниками, поскольку оказалось, что карнавальная традиция, приговоренная прежним режимом, на самом деле отнюдь не умерла и, более того, заявляет

о себе вполне соответствующим ее природе образом. Летом 1976 г. в Кадисе прошли последние «Fiestas Típicas Gaditanas» («Привычные кадисские праздники»), а уже в следующем, 1977 г., с упорочением либерально-демократических порядков, праздник вернул себе прежнее название — «карнавал» и прежние даты традиционного проведения: его впервые после долговременной «летней ссылки» отметили, как и положено по вековой традиции, в феврале, с участием ряда «карнавальных групп», которым раньше этого не позволяли, без цензурных политических фильтров и с той маскарадной атрибутикой, которая ранее была запрещена. Главное — эта стремительная «реставрация» шла «снизу», со стороны местного населения, которое, как оказалось, все это время помнило о когда-то отнятой у него и очень дорогой ему традиции и немедленно потребовало вернуть ее, как только за такой призыв перестало грозить наказание. Появилась компарса с говорящим названием «Карнавал-1976», публично распевавшая: «“Привычные кадисские праздники” — это ни о чем нам не говорит; то, чего мы хотим, — это Карнавал, Карнавал, Карнавал!» (*Fiestas Típicas Gaditanas, eso no nos dice ná, nosotros lo que queremos, Carnaval, Carnaval, Carnaval!*) [Moreno Tello 2018].

А еще через год, в начале февраля 1978 г., гвоздем программы очередного теперь уже полноправного карнавала стали шутовские «похороны Fiestas Típicas Gaditanas». Хоровая группа «Гильотина» возглавляла погребальное шествие. Участники процессии соблюдали глубокую серьезность, некоторые из них были одеты в костюмы восставших граждан времен Великой французской революции. Звучала траурная барабанная дробь, шли ряженые с кадиллом, кухонной ступкой на манер кропила и пр., далее четыре палача несли гроб, затем следовали венки с траурными надписями, плачущие женщины в трауре и т.д. Эта пародийная похоронная процессия привлекла множество зрителей, которые смеялись, аплодировали и бурно радовались возвращению подлинного карнавала [Moreno Tello 2018]. Она явно знаменовала собой решительный разрыв с правилами проведения массовых народных праздников, господствовавшими здесь несколько десятилетий

при диктатуре и, казалось, ставшими уже привычными. В демонстративной, шутовской и даже глумливой форме утверждалось долго сдерживавшееся истинное — негативное — отношение сторонников подлинной карнавальной традиции к тому, что их любимый праздник был насильно заменен выхолощенным эрзацем, а также к еще вчера непререкаемым запретам на критику и пародирование церковной обрядности и действий светской администрации. Мало того, в том же году было отброшено еще одно ограничение: первую премию по итогам кадисского карнавала получил персонаж, представлявший собой мужчину, переодетого женщиной [Barceló Calatayud 2018].

На возрождение запрещенного при диктатуре народного праздника обратила внимание центральная испанская газета в статье от начала февраля 1978 г. Ее авторы отмечали тот огромный энтузиазм, с которым жители страны повсеместно погрузились в карнавальную стихию, — после сорока лет властного запрета, когда лишь жителям Кадиса и Тенерифе удалось сохранить непрерывность праздничной традиции, хотя и ценой утраты истинного облика и характера прежнего карнавала. Зато теперь наибольшим успехом у публики вновь стали пользоваться песни и куплеты, содержание которых отражает животрепещущие проблемы и заботы местного населения, причем без всяких недоговоренностей и эвфемизмов. В большинстве же других городов и селений страны карнавал воссоздается практически на пустом месте, вытоптанном сорока годами франкистских запретов, уничтоживших зачастую неповторимые вековые локальные традиции. В статье обращается внимание на ярко выраженную политическую составляющую «карнавального движения» на первом этапе его возрождения, а также на то, что значительная часть граждан оценивают восстановленные к тому моменту праздники словами «это не то, что было раньше». В одном случае, с карнавалом на Тенерифе, существенное изменение его облика во многом связано с постепенной американизацией, «когда самба сочетается с наиболее характерным в канарском фольклоре», что, по мнению авторов газетного текста, «придает особую привлекательность» местному карнавалу [La fiesta 1978].

Первые постфранкистские годы стали временем своего рода «перестройки» для испанского карнавала, и нельзя сказать, что переход в новую стадию его истории произошел легко и безболезненно. Резкая критика в адрес власти имущих еще не стала обыденным явлением в стране, и карнавальный контекст (прежде всего кадисский), с его песнями и куплетами, оказался одним из тех мест, где она в те годы звучала наиболее прямо и непосредственно. А публично пропетый в дни праздника 1978 г. упрек в адрес короля, не выполнившего данное им ранее обещание горожанам (по строительству дороги в Кадисе), оценивается как единственный в Испании на тот момент пример открытой критики данной персоны. Поднялась волна возмущения очевидной дерзости, правительственные чиновники пытались воспрепятствовать исполнению скандальной композиции, но запрет был проигнорирован, к вящему удовольствию слушателей и без каких-либо последствий для выступавших с ней певцов и музыкантов [García García 2018].

В городе Лас-Пальмас-де-Гран-Канария организаторами первого после снятия запрета карнавала стали сами горожане — местные власти не решились принять в этом участие. А год спустя карнавальные события здесь уже стали причиной конфликта: католические иерархи выразили протест против использования церковной атрибутики во время маскарадного шествия. Память о только что отступившем франкизме, с его безжалостной цензурой, была еще очень свежа, организаторы устрашились и удалили из маскарадной процессии вызвавшую недовольство ряженую пару: «беременную монашку» и «кардинала» [Villullas 2018].

В последующие годы шутовское обыгрывание сюжетов на религиозные и церковные темы во время карнавала продолжало порождать конфликты между организаторами и исполнителями, с одной стороны, представителями Церкви и частью верующих — с другой. Казалось бы, это полностью соответствовало вековой традиции карнавального «переворачивания вверх дном» и нарушения обыденных норм в том числе и в сакральной сфере, но теперь это происходило в обществе, отделившем Церковь от государства и переживающем интенсивную секуляризацию,

массовый прогрессирующий отход населения страны от следования церковным предписаниям, утрату католической религией огромного в прошлом влияния на сознание, ценностные представления и повседневное поведение испанцев и т.д., и потому и ход, и исход таких конфликтов были совершенно иными в сравнении с тем, как они развивались и чем завершались в прежние времена. Так, действовавший при Франко Уголовный кодекс предусматривал для «тех, кто преднамеренно нанес оскорбление католической религии устно или письменно, публично очернив ее догматы, обряды или церемонии», долгосрочный арест и чувствительный штраф [Fernández Domínguez 2018]. Во время кадисского карнавала 1986 г., т.е. уже в условиях сменившей диктатуру либеральной демократии, участники одной из маскарадных групп, «Дураки в капюшонах», нарядились и вели себя таким образом, что местные католические организации выступили с протестом против «открытого неуважения» не только к служителям Церкви, но и к самой религии. Организаторы карнавала назвали их заявления «попыткой цензуры» и уверенно отвергли, а исполнители не изменили в своей композиции ни единого слова. В СМИ возникшая ситуация трактовалась как реакция консервативно настроенной публики на явственно обозначившиеся в ходе праздника антиклерикальные мотивы.

О том, что церковно-религиозная тема продолжает оставаться острой и болезненной, по крайней мере для части испанского общества и сейчас свидетельствуют события в связи с карнавалом, где эта тема с неизбежностью обретает скандальный и провокационный характер. Очень важным для понимания текущей ситуации представляется эпизод, когда в 2017 г. в Лас-Пальмасе во время праздника была разыграна маскарадная сцена, изображающая евангельское распятие, в ходе которой один из ряженных предстал в виде Богородицы, танцующей под популярную музыку, и т.п. Возмущенные католики в очередной раз заявили о нанесенном им оскорблении и попрании их религиозных чувств по мотивам ненависти. Местные власти сразу же встали на сторону исполнителей и организаторов праздника на том основании, что карнавал сам по себе

как таковой есть нарушение норм, разрыв с обыденностью, это смех и критика, и поэтому никакие меры по установлению контроля за содержанием выступлений участников праздничных событий предприниматься не будут.

Аналогичную позицию занял некоторое время спустя и суд, куда обратились обиженные, постановивший, что в данном случае определяющую роль играет контекст события (т.е. сама обстановка карнавала), где главенствуют вседозволенность и безудержное веселье, а правила и нормы повседневной жизни на короткое время откладываются в сторону. А стало быть, учитывая названный контекст, здесь не нужно искать желания оскорбить кого-то или надругаться над чем-то, а следует видеть только проявления дерзкой и безоглядной удалости, вольнодумства, в которых «изобразительные и инновационные» начала преобладают над всеми другими аспектами. И значит, не приходится говорить о покушении на католическую религию или на религиозные чувства тех, кто ее исповедует [Álamo 2017].

Попытки предъявлять организаторам и участникам испанского карнавала наших дней обвинения в провокациях политического характера, в том, что они нарушают в этой сфере какие-то общепринятые «табу», также, насколько можно судить, заканчиваются ничем. В 2018 г. негодование определенным образом настроенной части общественности вызвала эпатажная выходка одной из карнавальных чирригот все в том же Кадисе, разыгравшей в своем выступлении «обезглавливание» Карлеса Пучдемона — лидера сторонников независимости Каталонии, события в которой тогда держали в напряжении всю страну [Sanguinetti 2018]. Но скандал и здесь не вышел за рамки эмоционального обсуждения в СМИ разной идеологической окраски, прежде всего каталонских. Участникам карнавала, авторам и исполнителям иронических или глумливых куплетов грозит в худшем случае «медийная взбучка», «команды ряженных» высмеивают всех, кого захотят, невзирая на лица; неизменным объектом карнавальных шуток, часто весьма острых, являются местные власти, независимо от того, какие политические силы они в тот момент представляют.

Восстановленный после периода диктатуры испанский карнавал в определенной степени вновь начал воспроизводить одну из своих исконных ролей — «нарушителя существующих в обществе норм и приличий». Правда, в условиях утвердившихся в стране либерально-демократических прав и свобод пространство для реализации этой роли значительно сузилось (в связи с немыслимым прежде расширением границ разрешенного в области публичного самовыражения), а сама она во многом трансформировалась в эпатаж, в сознательное провоцирование скандальной реакции с целью обретения как можно более широкой известности и ее последующей «капитализации». К тому же те компоненты и персонажи праздника, которые были введены в него в эпоху франкизма (там, где он не был вовсе отменен), чтобы сделать его как можно меньше похожим на прежний запрещенный карнавал, успели довольно глубоко в нем укорениться. Так, «королева» кадисского карнавала и ее «дамы» в первые же годы демократии были заменены на «богиню» и «нимф» («чтобы избавиться от слишком сильного привкуса элитарности»), но содержание и антураж этой части праздника почти целиком сохранились до последнего времени [El Carnaval 2017].

«ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ» ПРЕТЕНЗИИ К КАРНАВАЛУ

Культурно-идеологическая специфика общественной жизни в последние десятилетия, а точнее — форсированное утверждение в пределах значительной части ойкумены, включая и Испанию, ценностей, норм и постулатов так называемой политкорректности (иногда в этом же смысле говорят о леволиберальной идеологии), определила появление новой угрозы для карнавала в его «традиционном формате» с довольно неожиданной стороны. В набирающей все большее влияние парадигме он предстает не как «нарушитель», «ниспровергатель» или даже «provokator», покушающийся на признанные устои», а, напротив, как бастион «консервативности» и «реакционной патриархальности», требующий немедленной и радикальной «перестройки» в соответствии с «правильными» принципами и установками. При этом сторонники «прогрессивных перемен» настроены весьма решительно

и обладают серьезными возможностями для того, чтобы настоять на своих требованиях.

Их претензии к карнавалу в его нынешнем, т.е. в начале XXI в., виде касаются тех его элементов, которые они считают проявлениями так называемого «мачизма» и «сексизма» (мужского шовинизма, превосходства мужчин над женщинами, дискриминации женщин по признаку пола и т.д.), сохраняющегося неравноправия женщин по отношению к мужчинам практически во всех аспектах карнаваль-ной активности. Действительно, женщине в подготовке и проведении этого праздника до недавних пор традиция отводила преимущественно пассивную роль: поварихи или портнихи при изготовлении маскарадного костюма, а самое большее, на что она могла рассчитывать, — быть коронованной в качестве «нимфы» или «богини» карнавала, т.е. опять же в образе, отражающем «мачистские» представления и идеалы. Петь, музицировать, сочинять мелодии и тексты куплетов, разыгрывать уличные сцены, маршировать в процессиях и т.д. полагалось мужчинам [La mujer en el Carnaval 2012].

Сообщается, что, когда на карнавале в Кадисе в 1980-е гг. появилась первая женская чиригота со своими куплетами, это стало шоком для всех присутствующих [La mujer 2018]. Однако направление было задано, и в 2010-е гг. женские карнаваль-ные группы («Темная сторона луны», «Тарантелла» и др.) уже активно участвовали в празднике, что только поощрило к дальнейшей борьбе местных феминисток, продолжавших считать, что «в настоящее время карнавал продолжает оставаться мачистским» [Ibid.]. Наблюдатели же отмечают, по их мнению, главное: участие женщин в кадисском карнавале в той роли, которая всегда считалась исключительно мужской, перестало быть удивительной новостью. Помимо сугубо женских карнаваль-ных групп возникли еще и смешанные. Пока что, правда, женщин почти нет среди авторов музыки и песенных текстов, но и здесь с мужской монополией уже покончено, а общий ход событий и атмосфера в сегодняшнем испанском обществе не оставляют никаких сомнений в том, как дело пойдет дальше.

Как говорится в тексте манифеста «Объединения женщин — участниц

кадисского карнавала» (Colectivo de Mujeres del Carnaval de Cádiz), «...женщины, обретшие свободу, воительницы равенства, участницы карнавала, стремящиеся завоевать то пространство, которое на протяжении многих лет было у нас отнято, в главном проявлении культурного и совместного бытия нашего города — карнавале», имеют своей целью разрушить стереотипы относительно роли женщины в этом празднике и обеспечить свое полноценное и равное участие во всех многочисленных видах деятельности, связанных с карнавалом, а также в органах и инстанциях, принимающих решения [García 2018]. На некоторые из карнавальных мероприятий, воплощающих собой возмутительный «сексизм» и «мачизм», с точки зрения проводников прогрессивной морали, ведется настоящее наступление. Так, противники проведения выборов «детской королевы праздника» в ходе карнавала в г. Санта-Крус-де-Тенерифе (Канарские о-ва) убеждены, что «традиция и популярность этого конкурса не оправдывают его дальнейшего существования». На его место, по их разумению, должны прийти «праздники детства», организованные с участием членов ЛГБТ-сообщества, феминисток, активистов различных организаций, социальных педагогов, деятелей искусства, занимающихся вопросами равенства, «в целях воспитания детей в более справедливых, более эгалитарных, более современных ценностях, связанных со сферой детских развлечений» [Podemos 2017].

Не меньшее отторжение вызывают «взрослые» конкурсы красоты кадисского карнавала, «превращающие женщину в декоративную фигуру и подводящие материальную и символическую основу под ее дискриминацию» [El Carnaval 2017].

Примечательно, что долгое время, уже в условиях демократии, в обществе существовало своего рода табу на выражение претензий к тому, в какой форме происходит празднование карнавала, тем более что он воспринимался в ореоле гонений и запретов эпохи диктатуры. Но прошли годы, идеологическая атмосфера изменилась, и вот органы местной власти (аюнтамьенто), где превалируют борцы против «мачизма», «гендерной дискриминации», «патриархальных ценностей» и т.д., начинают принимать официальные решения,

что те акции в рамках карнавала, которые воспроизводят и закрепляют в сознании людей вредоносную традицию — те же кадисские «конкурсы красоты», — будут лишены финансово-организационной поддержки администрации, что в реальности крайне затрудняет их проведение, а то и делает их вовсе невозможными [Ibid. 2017].

В других местах (например, в канарском городе Лас-Пальмас) большинство местного населения, включая и женщин, пока что продолжает упорствовать в отстаивании неприкосновенности своего любимого праздника, включая и выборы его «королевы», отказываясь воспринимать постулаты политкорректности как руководство по преобразованиям. При этом в содержании песен и куплетов, исполняемых карнавальными группами и по традиции злободневных, значительное место занимает тема «гендерного равенства», подаваемая с вполне «передовых» позиций [Sanguinetti 2018], что особенно примечательно ввиду того, что сравнительно недавно «карнавальных» авторов и исполнителей, в среде которых абсолютно преобладали мужчины, упрекали в «несправедливой трактовке» образа женщины, стереотипно обыгрывавшегося «с мужской точки зрения», т.е. по большей части критически, насмешливо и всего в нескольких вариантах: объект сексуального вожделения; мать; теща [La mujer en el Carnaval 2012]. Совершенно невозможно в наши дни представить себе публичное исполнение, к примеру, карнавальной песенки 1952 г., которая теперь представляется отнюдь не шутливой, но однозначно оскорбительной:

...Hoy nuestras mujeres
visten muy diferentes
y hasta pantalones.
...Con esa moda pierden los hombres
las ilusiones
pues no nos gusta que la mujer
tenga pantalones...

(...Сегодня наши женщины
одеваются совершенно по-другому,
вплоть до того, что ходят в брюках.
...При такой моде у мужчин
не остается иллюзий,
нам не нравится, что женщины
носят брюки...)
[Mora Tamayo 2018]

Некоторые современные испанские публицисты, вспоминая времена диктатуры, когда авторы и исполнители запрещенных карнавальных куплетов могли рассчитывать в дни праздника только на тайные концерты в какой-нибудь «надежной» таверне перед слушателями, которым можно доверять, указывают, что в наши дни, конечно, необходимости скрываться больше нет, зато появилась вынужденная самоцензура, по сути загоняющая карнавальных сочинителей и певцов в подполье. «Неужели наиболее колкие куплеты останутся только для исполнения в среде доверенных лиц?» [Serrano Cueto 2018] — задаются

вопросом испанцы, обеспокоенные тем, что «извращенная цензура» политкорректности, как они считают, безжалостно подавляет творческое воображение и свободу самовыражения [Ventoso 2020].

Как бы то ни было, вряд ли будет ошибкой сказать, что причудливым образом в текущий исторический момент организаторы и участники испанского карнавала своими акциями как бы нащупывают — конечно не ставя такой цели — не очень ясные пока контуры «новой нормальности», попутно преобразуя «формат» своего праздника в соответствии с этими контурами.

Источники и материалы

Álamo 2017 — *Álamo S.* La jueza archiva el caso contra Drag Sethlas al considerar que su actuación no tuvo carácter ofensivo // *elDiario.es*. 2017.18.12. URL: https://www.eldiario.es/canariasahora/tribunales/drag-sethlass-considerar-actuacion-caracter_1_2995494.html (дата обращения: 29.01.2021).

El Carnaval 2017 — El Carnaval de Cádiz 'entra' en el siglo XXI: adiós a las ninfas // DBC. 2017. 02.01. URL: www.diariobahiaCadiz.com/noticias/cadiz/el-carnde-cadiz-entra-en-el-siglo-xxi-adios-las-ninfas/?fbclid=IwAR0vz5p4W9ncSq-7vdEu8kbOtti0-0TtLZV5d5Dci0Yja803qLVj-pFdIVs (дата обращения: 28.01.2021).

La fiesta 1978 — La fiesta de carnaval recupera lentamente sus raíces populares // *El País*. 1978. 05.02.

Franco y Doña 2009 — Franco y Doña Cuaresma prohibieron el Carnaval y persiguieron a sus promotores. 2009. 03.12. URL: <http://blogs.canalsur.es/lamemoria/2009/03/12/franco-y-dona-cuaresma-prohibieron-el-carnaval-y-persiguieron-a-sus-promotores/> (дата обращения: 28.01.2021).

García 2018 — *García T.* Las mujeres del Carnaval se organizan para reclamar su espacio // *Diario de Cádiz*. 2019. 22.06. URL: https://www.diariodecadiz.es/diario_del_carnaval/Colectivo-Mujeres-Carnaval-Cadiz_0_1366063851.html (дата обращения: 28.01.2021).

Hernández 2020 — *Hernández M. V.* 1948. “Castigue severamente” del “uso polvos” de talco en Carnaval. 2020. 17.02. URL: https://www.eldiario.es/canariasahora/lapalmaahora/lapalmaopina/castigue-severamente-polvos-talco-carnaval_132_1002738.html (дата обращения: 28.01.2021).

López 2016 — *López A.* Cuando en España se seguía celebrando el carnaval a pesar de la prohibición franquista. 2016. 03.02. URL: <https://alfredlopez.tumblr.com/post/138601768345/cuan->

[do-en-espana-se-seguia-celebrando-el-carnaval](https://www.eldiario.es/canariasahora/se-seguia-celebrando-el-carnaval) (дата обращения: 28.01.2021).

Montagut 2018 — *Montagut E.* La prohibición del Carnaval con el franquismo // *El salto*. 2018. 09.02. URL: <https://www.elsaltodiario.com/nueva-revolucion/la-prohibicion-del-carnaval-con-el-franquismo> (дата обращения: 28.01.2021).

La mujer en el Carnaval 2012 — La mujer en el Carnaval de Cádiz // Educando en igualdad. 2012. 17.02. URL: <https://igualdadiescastillodefatar.wordpress.com/2012/02/17/la-mujer-en-el-carnaval-de-cadiz/> (дата обращения: 28.01.2021).

Podemos 2017 — Podemos logra acuerdo insular en su defensa de las galas infantiles no sexistas // *Mociónteca*. 2017. 03.02. URL: <https://podemoscabildotenerife.com/2017/02/03/podemos-logra-acuerdo-en-la-defensa-de-las-galas-infantiles-no-sexistas-2/> (дата обращения: 29.01.2021).

Rozas 2019 — *Rozas Y.* La historia prohibida del Carnaval y sus personajes. 2019. 08.03. URL: <https://diariodeavisos.elespanol.com/2019/03/la-historia-prohibida-del-carnaval-y-sus-personajes-con-diario-de-avisos/> (дата обращения: 28.01.2021).

Sanguinetti 2018 — *Sanguinetti P.* Carnaval en tiempos de corrección política: un equilibrio imposible? // *NB Radio digital*. 2018. 11.02. URL: <https://nbradiodigital.com/carnaval-en-tiempos-de-correccion-politica-un-equilibrio-imposible/> (дата обращения: 28.01.2021).

Serrano Cueto 2018 — *Serrano Cueto J. M.* De cuando a Franco le dio por ejecutar a unos chirigoteros // *Público*. 2018. 23.01. URL: <https://blogs.publico.es/strambotic/2018/01/franco-ejecuto-chirigoteros/> (дата обращения: 29.01.2021).

Ventoso 2020 — *Ventoso L.* El virus de la corrección política corroe la libertad de expresión // *ABC*. 2020. 11.07. URL: https://www.abc.es/cultura/cultural/abci-virus-correccion-politica-corroe-libertad-expresion-201812020129_noticia.

html?ref=https:%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 28.01.2021).

Villullas 2018 — *Villullas A.* Polémicas carnavalescas // La provincia. 2018. 19.02. URL: www.laprovincia.es/las-palmas/2018/02/19/polemicas-carnavalescas-9487291.html (дата обращения: 28.01.2021).

Исследования

Бахтин 1965 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965.

Barbosa Illescas 2018 — *Barbosa Illescas F.* Fraude electoral, control y censura en el Carnaval de Cádiz durante el Sexenio Democrático (1868–1874) // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”¹. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 83–116.

Barceló Calatayud 2018 — *Barceló Calatayud A.* El tipo como instrumento de censura // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 19–48.

Fernández Domínguez 2018 — *Fernández Domínguez J. A.* Borrón y letra nueva: los censores del Carnaval de Cádiz // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 117–130.

García García 2018 — *García García J.* Crítica y resistencia desde las coplas. Las agrupaciones del Carnaval de Cádiz contra el poder en tiempos de la Transición // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 201–206.

La mujer 2018 — La mujer en el Carnaval. Mesa redonda // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 305–330.

Mora Tamayo 2018 — *Mora Tamayo M. de.* La sociedad gaditana de posguerra a través del Carnaval // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 187–200.

Moreno Tello 2018 — *Moreno Tello S.* Introducción // Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz, 2018. P. 11–18.

Ramos Santana, Fernández Tirado 1991 — *Ramos Santana A., Fernández Tirado J. M.* El carnaval y el poder: una muestra de contestación popular a las restricciones a una letrilla de 1828 // *Trocadero: Revista de Historia Moderna y Contemporánea*. 1991. № 3. P. 77–84. URL: <https://rodin.uca.es/xmlui/bitstream/handle/10498/9218/1721712x.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 28.01.2021).

Rodríguez Becerra 1992 — *Rodríguez Becerra S.* El Carnaval y lo carnavalesco en las fiestas en Andalucía // V Congreso del Carnaval. Actas. Cádiz: Ayuntamiento de Cádiz, 1992. P. 9–21. URL: https://www.researchgate.net/profile/Salvador_Rodriguez-Becerra/publication/308660852_El_Carnaval_y_lo_carnavalesco_en_las_fiestas_en_Andalucia/links/57ea688108aed3a3e08a89f0/El-Carnaval-y-lo-carnavalesco-en-las-fiestas-en-Andalucia.pdf (дата обращения: 28.01.2021).

Sacaluga Rodríguez 2020 — *Sacaluga Rodríguez I.* El carnaval de Cádiz durante la dictadura franquista: las Fiestas Típicas // *Researchgate* (25.09.2020). [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/322979047_EL_CARNAVAL_DE_CADIZ_DURANTE_LA_DICTADURA_FRANQUISTA_LAS_FIESTAS_TIPICAS (дата обращения: 28.01.2021).

Wood 2004 — *Wood G. H.* Res. de: Ramos Santana A. El carnaval secuestrado o historia del carnaval (Cádiz, 2003) // *Hispania Nova: Revista de Historia Contemporánea*. 2004. № 4. P. 184–186. URL: <http://hispanianova.rediris.es/4/recensiones/4r01.htm> (дата обращения: 28.01.2021).

© А. Н. Кожановский, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожановский А. Н. <https://orcid.org/0000-0003-1699-3660>

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (499) 954-93-43; e-mail: ankozhan49@yandex.ru

¹ URL: https://www.academia.edu/40906252/Actas_XX_Congreso_del_Carnaval_Diversión_prohibición_y_libertad_en_la_fiesta_de_febrero_ (дата обращения: 28.01.2021).

Spanish Carnival, Dictatorship, and Political Correctness

Alexandr N. Kozhanovskii

(N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences:
32a, Leninskii ave., 119334, Moscow, Russian Federation)

Summary. *This article examines the evolution of Spanish national carnival in the context of Spanish history of the past two centuries as the embodiment of the “protest principle,” as a “holiday of disobedience,” when the usual social order is turned upside down, everyday rules of behavior are rejected, and established moral and ideological norms are abolished. Pressure on the carnival tradition on the part of the authorities, sometimes very severe, generated an almost continuous struggle to maintain it. During the Franco dictatorship, carnival was banned and attempts were made to construct a replacement, devoid of the original critical and “subversive” spirit. This article describes the restoration of the carnival tradition after the dictatorship fell. It analyzes the reaction of Spanish society and administration to the renewed “taboo violations” in the context of liberal freedoms. The author draws attention to a fundamentally new trend in the Spanish cultural and ideological atmosphere of recent years associated with a sharp increase in so-called political correctness and with attempts by an influential part of society to rebuild a new system of values. In this situation, the carnival, which for centuries played the role of disturber of public peace, for the first time in history is being criticized as a bastion of conservatism, sexism, machismo, etc., that requires radical restructuring. However, the implementation of such change will inevitably destroy the unique nature of the carnival which miraculously survived centuries of restrictions, prohibitions, “commercial corrosion” and other factors detrimental to the maintenance of the tradition.*

Key words: carnival, “holiday of disobedience”, bans, political correctness.

Acknowledgements. *The article is written in accordance with the plan of research works of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.*

Received: February 3, 2021.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Kozhanovskii A. N. Spanish Carnival, Dictatorship, and Political Correctness. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 94–109. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.008>

References

Bakhtin M. M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa* [Francois Rabelais' Oeuvre and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. In Russian.

Barbosa Illescas F. (2018) Fraude electoral, control y censura en el Carnaval de Cádiz durante el Sexenio Democrático (1868–1874) [Electoral Fraud, Control and Censorship at the Cadiz Carnival During the Democratic Six Year Term (1868–1874)]. In: *Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”* [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 83–116. In Spanish.

Barceló Calatayud A. (2018) El tipo como instrumento de censura [Fancy Dress as a Tool of Censorship]. In: *Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”* [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition

and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 19–48. In Spanish.

Fernández Domínguez J. A. (2018) Borrón y letra nueva: los censores del Carnaval de Cádiz [Starting Over: The Censors of the Cadiz Carnival]. In: *Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”* [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 117–130. In Spanish.

García García J. (2018) Crítica y resistencia desde las coplas. Las agrupaciones del Carnaval de Cádiz contra el poder en tiempos de la Transición [Criticism and Resistance in Verse: Anti-Authoritarian Participants of the Cadiz Carnival During the Time of Transition]. In: *Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero”* [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 201–206. In Spanish.

La mujer en el Carnaval (2018) Mesa redonda [Woman at Carnival: A Roundtable Discussion]. In: Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero” [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 305–330. In Spanish.

Mora Tamayo M. de (2018) La sociedad gaditana de posguerra a través del Carnaval [Cadiz Post-War Society Through the Prism of Carnival]. In: Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero” [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 187–200. In Spanish.

Moreno Tello S. (2018) Introducción [Introduction]. In: Actas XX Congreso del Carnaval “Diversión, prohibición y libertad en la fiesta de febrero” [Proceedings of the XX Congress on Carnival “Entertainment, Prohibition and Freedom in the February Holiday”]. Cádiz: Servicio de Memoria Histórica y Democrática de la Diputación de Cádiz. Pp. 11–18. In Spanish.

Ramos Santana A., Fernández Tirado J.M. (1991) El carnaval y el poder: una muestra de contestación popular a las restricciones a una letrilla de 1828 [Carnival and Power: Popular Response to Restrictions in a Letrilla of 1828]. *Trocadero: Revista de Historia Moderna y Contemporánea* [Trocadero: Journal of Modern and Contemporary History]. 1991. No. 3. Pp. 77–84. URL: <https://rodin.uca.es/>

xhtmlui/bitstream/handle/10498/9218/1721712x.pdf?sequence=1&isAllowed=y (retrieved: 28.01.2021). In Spanish.

Rodríguez Becerra S. (1992) El Carnaval y lo carnavalesco en las fiestas en Andalucía [Carnival and the Carnavalesque in Andalusian Festivals]. In: V Congreso del Carnaval. Actas [V Congress on Carnival. Proceedings]. Cádiz: Ayuntamiento de Cádiz. Pp. 9–21. URL: https://www.researchgate.net/profile/Salvador_Rodriguez-Becerra/publication/308660852_El_Carnaval_y_lo_carnavalesco_en_las_fiestas_en_Andalucia/links/57ea688108aed3a3e08a89f0/El-Carnaval-y-lo-carnavalesco-en-las-fiestas-en-Andalucia.pdf (retrieved: 28.01.2021). In Spanish.

Sacaluga Rodríguez I. (2020) El carnaval de Cádiz durante la dictadura franquista: las Fiestas Típicas [Carnival in Cadiz During the Franco Dictatorship: Typical Holidays]. In: Researchgate (25.09.2020). [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/322979047_EL_CARNAVAL_DE_CADIZ_DURANTE_LA_DICTADURA_FRANQUISTA_LAS_FIESTAS_TIPICAS (retrieved: 28.01.2021). In Spanish.

Wood G. H. (2004) Res. de: Ramos Santana A. El carnaval secuestrado o historia del carnaval (Cádiz, 2003) [Review of: The Stolen Carnival or the History of the Carnival, by A. Ramos Santana]. *Hispania Nova: Revista de Historia Contemporánea* [New Spain: Journal of Contemporary History]. 2004. No. 4. Pp 184–186. URL: <http://hispaniano-va.rediris.es/4/recensiones/4r01.htm> (retrieved: 28.01.2021). In Spanish.

© A. N. Kozhanovskii, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr N. Kozhanovskii <https://orcid.org/0000-0003-1699-3660>

E-mail: ankozhan49@yandex.ru

Tel.: +7 (499) 954-93-43

32a, Leninskii ave., 119334, Moscow, Russian Federation

DSc, Leading Researcher, Center for European Studies, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)